

Эллина НАУМОВА

* ЖЕНСКИЕ ИСТОРИИ *

ПОСТЕЛЬ
И ВСЕ ОСТАЛЬНОЕ

Элина Наумова

Постель и все остальное

«Центрполиграф»

2012

Наумова Э. Р.

Постель и все остальное / Э. Р. Наумова — «Центрполиграф»,
2012

По пятницам в бар мегаполиса приходят молодые люди отдохнуть и найти нетребовательного партнера на одну ночь, а субботним утром расстаться без всяких сожалений, чтобы уже никогда не встречаться. Поэтому и Ирина и Арсений были обескуражены встречей на офисной планерке в понедельник. Он мог бы ее уволить в одну минуту, но именно от нее тянулась ниточка в прошлое, к женщине, которая будоражила его любопытство вот уже семь лет...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Элина Наумова

Постель и все остальное

Глава 1

Речь пойдет о мужчине и женщине, и лучше сразу отдать дань коварной, но скучной психологии полов. А дальше воспринимать историю по-житейски в меру своей испорченности. Потому что жизнь – не скульптор с резцом, но дровосек с топором – никого не делает лучше. Равнодушнее, ленивее, трусливее, мельче в притязаниях – да. Люди называют это покоем, умением понять, способностью простить. И верят названиям, чудачки. Так вот, мужчине надобно уверовать, чтобы полюбить. А женщине – полюбить, чтобы уверовать. И это – единственная разница, достойная внимания.

Сорокалетний ОН был почти импотентом со всеми вытекающими отсюда явными последствиями. Ничего органического, просто тяжкий интеллектуальный труд, злая карьерная нервотрепка и алчные самовлюбленные бабенки, почему-то ужинающие в тех же ресторанах, где и он. А когда и где еще знакомиться трудоголикам? Скука – причина любого кризиса. И кризис среднего возраста есть ужас мужчины от того, что новизна исчезла. А без нее он реже хочет и может лишь в определенных, когда прекрасных, когда безобразных условиях. Женщины и врачи это знают. Но сами мученики упрямо полагают, что это называется «мне уже поздно записываться в космонавты». На самом деле все было не так уныло. Взять хотя бы внешние данные – высокий, не больше трех килограммов лишнего жира, кареглазый шатен с совершенным овалом лица и не очень крупными правильными чертами. Казалось, надень на него длинный завитой парик, обвяжи шею белой кружевной салфеткой, и воочию увидишь европейского аристократа прежних веков. А без накладной гривы и жабо получался просто «ой, девочки, какой мальчик».

Тридцатилетняя ОНА была фригидной и со странностями. Но если ее заморочки и связывались с половой неудовлетворенностью, то интереснее и таинственнее, чем у мужчины. Во всяком случае, она так думала. Пока один коллега после какой-то рабочей стычки не проворчал ей в спину очень грубый аналог слова «недотраханная». Разум твердил, что это – аргумент профессионального бессилия. Самец не в состоянии признать свои доводы ничтожными, яритесь и валит все на ее физиологию. Но сердце колотилось в ритме: «Э-то-вид-но-ты-ни-кого-не-об-ма-нешь». «А разве я пыталась обманывать? – спросила она себя. – Какое кому дело до моей личной жизни? Есть ли она у меня вообще?» И рухнула в яму-ловушку, вырытую во время прошлых самокопаний, кажется, переломав кости и сильно ударившись головой.

Шестнадцатилетняя максималистка – чудный возраст, который напропалую завышают, обвинила бы тетеньку в дешевом кокетстве. Такая красивая, стройная, в неслабом прикиде, образованная, что еще надо для счастья. Нет, наверное, в шестнадцать лет образование в этот список не входит никаким пунктом. Им в тридцать начинают разбавлять перечень собственных достоинств, когда стильная женщина уже не раз повторила на девичниках перед чужими свадьбами: «Да пропади пропадом эта красота, толку от нее нет, одни проблемы». Хотя, конечно, глупо было бы отказываться от высокого лба, серых глаз, бровей идеальной формы, приводивших в экстаз стилистов, крепенького прямого носа и губ, которым, кроме помады, ничего нужно не было. Обалденное впечатление смазывали широковатые скулы, упрямый подбородок и волосы, превосходные по фактуре, но неведомо как выкрашенные ею в светлый цвет. Именно в светлый, потому что для отливающегося рыжиной блонда названия нет.

Они случайно встретились в баре. Догорала синим пламенем московская пятница, когда истомленный офисный люд топит память об очередной неаккуратно вымаранной из жизни неделе в терпких коктейлях. Массово дорвались до водки с ароматизаторами и консервантами, называется. Но поило было деликатесом по сравнению с тем, чем его заедали. Об этом переговаривались все. На самом деле никто не собирался их травить, так экономили на качестве продуктов в расчете на молодой пьяный аппетит. В пределах допустимого. Но место было не из дешевых, посетители не из шикарных – баловали себя раз в неделю. И глушили критикой нежелание тратиться и вопрос, осуществились ли все их чаяния, или еще повезет.

«Интересно, в преисподней черти до сих пор бросают под сковородки дрова? Или уже пора представлять себя человечиною, тушенной в собственном соку, на газовой, а то и электроплите? Всякий грешник надеется, что ад – это абстракция, и легко соглашается с тем, что рай – тоже. Но рискните сказать такое „праведнику“. Лично сожжет живьем на всякий случай», – мельком подумала она, потому что с танцпола в дымину пьяный расхристанный клерк орал:

– Люди, радуйтесь! Конец света близок! На пороге, гад! Как только наше поколение вымрет, так он сразу и наступит! Насколько же нам меньше в смоле кипеть, чем пращурам! Мы везучие-е-е!

Он тоже слышал все это и бездумно приветливо кивал восторгу, наполнявшему ломкий хриловатый голос. Смысла, правда, не улавливал. Потом вышел на улицу покурить и встал рядом с ней. Лишь они вдвоем издевались над легкими в тот момент. Она делала последнюю затяжку, и он, чтобы не потерять слушательницу, быстро сказал:

– Хотел купить сигареты. А в киоске, на том месте, где их обычно выставляют, на грязной, разумеется, картонке накарябали: «Курева нет. Курить, между прочим, вредно». Вам смешно?

– Нет, – ответила она. – Я вообще не понимаю, по какому праву третируют курильщиков. На продуктах не пишут: «Жратва убивает». На спиртном: «Алкоголь – яд». А вред столь же очевиден. Противно, когда под видом заботы о моем здоровье заставляют раскошелиться табачные компании.

– По-моему, это своеобразная игра. Чем больше угроз печатают на пачках, тем дороже сигареты, но против сверхприбылей никто не возражает. Цена якобы ограничивает спрос, следовательно, чем она выше, тем лучше. Но я все о своем частном случае. Вы представляете, некоторые подходили за сигаретами, читали и хихикали, – проворчал он.

– Ну, у юмора тоже уровни есть. Я знаю, над чем порой люди смеются. – Горечь тона выдала какую-то личную историю.

Ему понравилось, что она не дежурно разговаривает, и, выбросив окурок в урну, он не промолчал:

– Эти люди продают табак – дорогой, обеспечивает большую прибыль. Пакет сока, баллон минералки стоит дешевле пачки. Кем надо быть, чтобы так шутить с покупателями? Идиотами?

– Хамами. И они не шутят, а глумятся. Пиши любую гадость, но зависимые люди все равно купят сигареты. А вы знаете какой-нибудь хороший анекдот? Я тоже не прочь посмеяться.

Он знал, и не один, поэтому продолжил рассказывать за стойкой, потом за столиком. В итоге оба оказались крепко выпившими. Каждый четко осознавал, что не избалован возможностями заполучить милого, опрятного и веселого партнера на одну ночь. Остальное, как водится, причудливо расплывалось в алкогольном тумане. Поехали на такси к ней. Еще в машине он принялся расстегивать ее лифчик. И дома она восхищенно сообщила:

– Ты – уникум! Разогнул крючки! А они такие... итальянские... Такие... стальные!

В юности оба занимались примерно тем же в таком же состоянии и полагали нормальным, то есть клевым. Потом начали стесняться окружающих. Еще позже стыдиться себя. А теперь наступила циничная вторая молодость под девизом: «Что естественно, то не безобразно».

Они бестолково мешали друг другу раздеваться, затем порядком намучились в кровати и уснули, потому что сил не было. Утром расстались тепло. Оба про себя гордились тем, что в нервной толпе испытали взаимную симпатию и обоюдное влечение. Что бесстрашно разделили постель, назвали только свои имена и не пытались выяснить друг о друге больше. Словом, мужчина и женщина ощущали полноценность, которую не мыслили без способности исполнить хоть какое-нибудь свое желание, не задумываясь о последствиях. Они были достаточно умны и опытни, чтобы знать: прежде чем их руки в баре соединились, и ее, и его мозг незаметно обработал сотню мелких признаков, сулящих безопасность авантюры. Но это уже было запоздалым актом самоуспокоения. Ибо мозг визуально не определяет наличие пагубных микробов в чужом организме. И слабовато разбирается в потребности искалечить, убить или ограбить, которая ранним утром иногда властно подчиняет себе одного из любовников. Поэтому неосознанное чувство благодарности за принятый до и после душ, без возражений натянутый презерватив, не похудевший за ночь бумажник в кармане пиджака, кольца с бриллиантками, валяющиеся себе на тумбочке, за любезное предложение кофе и отказ от него выразилось мимолетным поцелуем возле входной двери.

Он забыл о произошедшем сразу. Впереди были выходные, наполненные телефонным трепом с теми, кто хотел общаться, но не собирался вылезать из дома, вероятным пивным баром с друзьями и главной роскошью – сном вволю, неописуемым удовольствием открыть глаза, мельком взглянуть на циферблат, пробормотать «еще пять минут» и зарыться в одеяло на сто двадцать. А поднявшись, вибрировать от радости, что не имеет значения, который час. Мажор по рождению, он так и не стал ни искусственным пиратом, ни настоящим плейбоем. Недавно бывшая подруга (ему тогда было двадцать, ей – двадцать пять) без улыбки сказала: «Не женился на мне? А я уже несколько лет не сержусь. Потому что ты, вольный стрелок, – замечательная партия для моей дочери». И он как-то совершенно понял: отныне свободные женщины его круга, независимо от возраста, будут не терпеливо заманивать его в силки брака, но рывком набрасывать лассо и волочь в ЗАГС по пыльной каменистой дороге. Что делать? Проституток он не терпел, содержанкам не доверял. Это – варианты для самоутверждающихся гопников от бизнеса. Оставалось знакомиться в ресторациях с такими же занятыми бизнес-леди. Да изредка заруливать в более демократичные бары. Единственная ночь без дальнейших обязательств с каждой дамой еще расслабляла и оказывала терапевтическое действие, но он, торопя события, уже боялся «истаскаться».

Она порой урабатывалась до мерзейшего состояния, когда хочется только спать, но не получается. Мозг зависал, как компьютер, – и не выключишь, и не поищешь что-нибудь более интересное. Ей бы вернуться от входной двери в постель и отоспаться, если не за всю свою несчастную жизнь, то хотя бы за последнюю рутинную неделю, ладно, за беспокойную ночь с пятницы на субботу. Подумаешь, «факир был пьян, и фокус не удался»! То, что пытался чудеса показывать, уже неплохо. Не девочка, переживет. Надо, надо было завалиться в кровать, чтобы на неделе не клевать носом в офисе. Ей тоже предстояли свои дни отдыха – прибраться, постирать, погладить. Почитать, посмотреть телевизор, пожевать чего-нибудь калорийного ночью перед экраном. Затарить холодильник йогуртом, листовым салатом и яблоками. Сходить с приятельницами в кино, а на следующий день в торговый центр, ни в чем конкретно не нуждаясь. И лучше, чтобы спутницы были разными, тогда создается впечатление широкого общения.

Она сварила себе кофе, быстро выпила и осталась сидеть на жестком кухонном табурете. Даже полные женщины этого не любят, а стройные обычно вертятся и проникаются уважением к словосочетанию «амортизационный слой». Зато у них всегда есть повод для спора, что лучше – положить на пыточные сиденья подушки или купить мягкие стулья. С подушек наволочки часто приходится стирать, а стулья не во всякую кухню помещаются, но эта аргументация не надоедает, потому что обрамляет главное: если женщина жалуется на табурет, значит, не толстая. Однако по мере того, как манекенщиц, будто в концлагерь, поместили на

специальные каналы, а на остальных начали потихоньку раскручивать девушек с крепкими задами, стоны поутихли. Теперь скажешь где-нибудь про пикантный дискомфорт и услышишь: «Качать надо пятую точку, на упругих мышцах сидеть приятнее». Более того, с некоторых пор и на неудовлетворенность жаловаться – дурной тон. Продвинутые сразу вскидываются: «Ты до сих пор на мужика надеешься? А я йогой занимаюсь и сама процесс регулирую». Но ее как-то не тянуло регулировать. Или скручиваться часами в диких позах, терпя боль и заставляя себя редко дышать, чтобы потом несколько минут регулировать? Она застыла немым укором женской болтовне, сжав ладонями виски. Будто тяжелые мысли лезли сквозь череп и кожу наружу, шевеля волосы, а она пыталась запихнуть их обратно, давя все сильнее и сильнее. С этих позиций точно звучало, что повеселилась на свою голову. Почему-то до слез было жалко испорченный лифчик за пятнадцать тысяч. И хотелось определиться, кого ругать: торговцев, выдавших подделку за фирменное белье, или мужчину, которого хватило только на разгибание крючков. Да, еще один прокол, еще одно разочарование.

Раньше она по году, по два держалась вместе с кем-то, воздушные замки обживала на два дома. А тут стала работать по-взрослому, чтобы себя содержать и родителям помогать. И вскоре обнаружила, что нет ни сил, ни времени строить мужчинам глазки. В места развлечения они ходили с одной целью – снять женщину, трахнуть и прикинуть к компьютеру на неделю или месяц, кому на сколько естественной релаксации хватало. И то верно, когда себя обеспечиваешь, ты – человек с перспективами. А появится любовница, введет в расход, сразу опять покажешься себе ущербным неудачником. Что уж говорить о несчастье кормить-одевать жену и детей. При этом по городу слонялись, обнявшись, мужчины и женщины, мамочки гордо вышагивали с колясками, папы водили в зоопарк славных карапузов. Кем были эти люди? Вот среди ее подруг и знакомых из десяти самостоятельных баб с высшим образованием одна жила с мужем и ребенком, причем ссорились они ежедневно, одна была матерью-одиночкой и, в общем-то, подарила чадо своим родителям, и две разведенки нервно и трудно пахали на детей и нянь. Она принадлежала незамужнему и бездетному большинству и одиночества не страшилась. Но уже восемь месяцев у нее никого не было. Задержась тут.

Немало женщин махнуло рукой на жалких соотечественников и занялось иностранцами. Но ей не хотелось уезжать из страны. Надо было собрать себя в кучу и что-то предпринять. Рассудила здраво: как ни крути, все усилия направляются на соблазнение мужчины. Так не начать ли с этого? И если получится в койке, он сам потом не отстанет. Она не раз видела, как в баре или кафе образовывались пары из явно чужих людей, как уходили в ночь, целуясь. И к ней часто клеились, но она возмущенно отшивала нахалов. Решила терпеть и не посылать их подальше сразу. Как назло, за четыре барных вечера к ней не пристал ни один симпатичный парень. В пятый рядом оказался интеллигентный мужик лет пятидесяти. Похоже, он сам был новичком в такого рода флирте. И нес что-то невразумительное о равноправии и благотворном влиянии сексуальных утех на здоровье, уговаривая себя, а не ее. Она даже пожалела, что согласилась. Зачем теоретизировать о том, что просто сделать? Но когда до этого самого дела, наконец, дошло, партнером он оказался умелым и нежным. На прощание ни к селу ни к городу выдал: «Мы, люди, превратились в тупиковый путь эволюции – развивать больше нечего. Зато остальной природе есть что с собой делать. Еще несколько ядерных взрывов для ускорения процесса, и трава запоет, а собаки заговорят». Широких интересов человек. Она прыснула, вспомнив анекдот про баню: «Заодно и помоемся». Тут заодно и умненько побеседуем. Сказала: «Я тоже дарвинистка. Извини за смех, перенервничала». Он недовольно кивнул, но, видимо, поклонниками теории естественного отбора в наше время не разбрасываются – взял ее телефон. И не позвонил.

Миновало еще несколько пустых недель, и к ней подсел удалой ровесник. Очень понравился. С этим все равно кончилось бы близостью, только не на первом свидании.

Поэтому к нему она ехала в отличном настроении. Вошли в захлавленную квартиру, она напряглась: можно было прибраться, отправляясь за незнакомой женщиной. Он снял ботинки и остался в носках. На левом была протерта пятка. Из дыры в правом торчал палец. Ее чуть не вырвало. Схватила пальто и выскочила за дверь, услышав в спину: «У, титька тараканья».

Больше она на недвусмысленные предложения в баре не реагировала. Суждено познакомиться с кем-то – пусть все будет по-человечески. Но напилась, привезла человека к себе. И только когда он ушел наутро, поняла, насколько ей хочется объяснить именно ему, что «она не такая». Убрала занемевшие руки с придавленных висков – в сосудах гулко запульсировала кровь. Надо было прекратить досадовать на себя – проку нет – и жить дальше.

В понедельник стало известно, что у анализирующей не важно что конторы – новый директор. Начальник отдела болел, поэтому на совещание пришлось идти ей – заместителю. Увидев в главном кресле своего пятничного любовника, она не поразилась и не испугалась. Симптомы шока, которые люди принимают за мужество. Только отвела глаза, хоть на миг ей и захотелось посмотреть на него долгим томным взглядом. Всего разок. Он тоже сделал вид, что не узнал ее. И не позволил дернувшемуся углу губ изобразить многозначительную усмешку. Но когда представлялись, оба радостно отметили, что в баре назвались собственными, а не вымышленными именами. Это ровным счетом ничего не значило, только ведь есть и неровный, с долями, счет.

«Уволить потаскушку сразу?» – подумал он, благословив народ на труд. И подчеркнул ее фамилию в распечатке списка тех, кто невеликой должностью отвечает за огрехи более крупных сошек. Вопрос был задан, ответу предстояло найтись самому. Он начал работать.

«Уволиться сейчас? Все равно он от меня избавится. Интересно, предложит по собственному, повод будет искать или банально контракт не продлит? Ну почему мне так не повезло? Оторвалась, называется. Может, он решит, что на трезвую голову я его не вспомнила? Так неохота бегать на смотрины в одинаковые фирмы», – размышляла она, усаживаясь за компьютер. Но горячку пороть не стала. В конце концов, завтра выйдет начальник отдела, и она не увидит этого директора до новогоднего корпоратива. И там лишь издали. Нет, инициативу проявлять не нужно. Если он мнительный, пусть сам выгоняет.

На самом деле рассуждать здраво обоим мешало смутное ощущение, будто они виделись задолго до разгульной ночи. Точно не пили. Точно не спали. Точно не работали вместе. А чем еще люди могут вдвоем заниматься? Говорить по душам? Не то. Скандалить? По какому поводу? Ей не хотелось терять место, и она предпочла на этом закругиться. Чего только не померещится, когда вдруг обнаруживается, что то ли ты давеча сняла босса, то ли босс тебя.

Но он не отмахнулся и вспомнил. Память через год и более после события выдавала ему некий «фильм» по мотивам. Конечно, если событие чувствительно его задевало и вынуждало обдумать себя. То есть нудный анализ заканчивался творчеством. Хорошо, что некому было оценить качество – шедевров не случалось. Добротный рабочий материал целиком – со всеми ссылками, справками, счетами. Может, это и не творчество было, а компьютеризация? Но в любом случае намекало на какую-то одаренность, что очень помогает в пору возрастных кризисов. И еще избавляет от неизбежного стыда, если морально ты был не на высоте. Когда перед глазами все участники не слишком красивой истории, винить одного себя во всем может только законченный эгоист – ему все равно, в чем быть первым.

Как-то он поведал другу о своей особенности – видеть это таинственно связанное «кино». «Лучшее кино – красное вино, – суеверно пробормотал тот. – Я бы при такой памяти удавился. Ненавижу даже цепочки писем в электронной почте. На кой мне все, чем мы с адресатом обменялись, сколько раз, когда и в котором часу? Я хочу только то, что сию минуту вертится... Слушай, а теперь вертится не на языке, а на кончиках пальцев, которыми печатаешь... Дожили до изменений в анатомии!» Это энергичное выступление отвратило его от привычки выпивать

рюмку конь яку на ночь. Еще пристрастишься, начнешь дозы увеличивать, с крепостью экспериментировать, натворишь мерзостей в бессознательном состоянии, а потом будешь прикован к бездарному дешевому сериалу. Как в молитве говорится, избави от лютых воспоминаний и предприятий!

На сей раз он увидел собственную постель, что несказанно его изумило.

Глава 2

1

Просторная, современно и дорого обставленная спальня. На разных краях огромной кровати, отвернувшись друг от друга, спят мужчина и женщина. Мужчина просыпается, берет с прикроватной тумбочки наручные часы, щурясь, смотрит на циферблат и с видом человека, привыкшего общаться с самим собой, хрипловато говорит:

– Одиннадцать. Ни рано ни поздно. Суббота задалась.

Говоря это, он перекачивается с левого бока на спину, поворачивает голову к окну и, вскрикнув от неожиданности, резко садится. Женщина просыпается, поворачивается на спину, потом на левый бок. У нее короткие русые волосы, нос сапожком и светло-голубые глаза – не наливаются они густой синевой у русских женщин. Обычное лицо. Но чистая гладкая кожа абрикосового оттенка и здоровый румянец с нежно размытыми границами делают его красивым. Увидев источник шума, она удивленно приподнимается на локте и с классическим стоном «О-о-о!» валится на подушку.

Мужчина:

– Кто вы? Как вы здесь оказались? Это – розыгрыш? Чей? Зачем?

Женщина:

– Я? Черт его знает... Хотя погодите... Иринка затащила меня на вечеринку. Ой, в рифму получилось. Это тревожный симптом... Я с детства...

Мужчина:

– Короче. Ваши детские воспоминания мне не нужны.

Женщина:

– Разумеется, извините. Там, где мы собрались, то есть тут, должен был быть ее приятель... Костя... Константин... Такой необязательный тип, и как она его терпит? Он тогда еще не пришел. А потом вообще не пришел. Но нашлись общие знакомые, то есть знакомые общих знакомых, и уже вроде не чужая компания. На вечеринках всегда так. Пока ждешь друзей, все гости становятся приятелями. Даже интересно с новыми людьми. И мы с Иринкой остались... Нет, можно было уйти в кино, но настроились пообщаться. Вы понимаете? Странно... Я мало пью, честное слово. Все пойло, даже самое дорогое, – или горькое, или кислое. Клянусь, ничего вкусного среди горячительных напитков я не обнаружила. Обычно пригублю, чтобы сторонники всеобщего равенства в скотстве отстали. Они, как сами опьянеют, перестают следить за другими. И я целый вечер брожу со своим первым и последним стаканом... Но неделя выдалась адская. Представляете, часов восемь обсуждаем идеи сценариев коллективно, затем кофе, и с полуночи до рассвета пишу сама... Наверное, переутомилась, и организм слишком серьезно отнесся к алкоголю. Вы что, меня сняли? Это со мной впервые, жалко, что ничего не помню.

Он был потрясен ее многословием:

– Не имею обыкновения водить к себе незнакомых нетрезвых женщин.

Она в прежнем темпе, увлеченно подхватывает:

– Ну да, знакомых, приведя, на месте подпаиваете. Тоже метод... Не одобряю, но дело ваше. Лишь бы им нравилось... Как все-таки унизительна и мерзка амнезия. Я всегда ухожу с тем, с кем пришла. Но вы явно не Иринка. Значит, я вырубилась, и она меня бросила. Подруга называется! А если бы не бросила? Представляете, еще Иринка тут посередине... Мне-то знакомое лицо не помешало бы, но вам наверняка скорую пришлось бы вызывать. Нет, мы натуралки, не подумайте чего... А если вы наоборот, тоже не страшно... Каждый такой, какой

есть... Терпимость – наше с Иринкой кредо. Хотя ее иногда заносит в нравоучения... Поработайте-ка день за днем со старым брюзгливым шефом, которому все не так. Тоже начнете Библию цитировать.

Мужчина по мере ее путаного выступления справляется с удивлением, но крайне раздражается – ерзает, нервно потирает руки и, наконец, требует:

– Объясняйтесь короче. Лаконичность – сестра таланта. Но и ваша бездарность должна иметь границы. Я с наслаждением спустил бы вас с лестницы, только мне необходимо выяснить, как нетрезвой дуре удалось проникнуть в мою квартиру.

Женщина опять готова продемонстрировать упражнение «глаза на лбу»:

– В вашу?! Разве это – ваша квартира? Странно. Вчера хозяином представился совсем другой мужик. Старше вас. И толще. Но веселее и симпатичнее. А, поняла! Ваш друг... Или папа... Знаете, сейчас полно сообщений о тринадцатилетних отцах... Выходит, они всегда были, просто о них не писали в газетах... Словом, он позвал гостей и оторвался. В ваше отсутствие, на вашей территории, как водится, за ваш счет. Вы пришли домой поздно, изволили гневаться, разогнали компанию, отправили родителя на моторе восвояси, прибрались и легли спать.

Он, что называется, темнеет лицом, но врожденное чувство юмора опережает гнев:

– Лег, не заметив вас в своей постели?

Она отзывается не без кокетства:

– Я маленькая. Худая, потому что вечно поесть не успеваю. Или забываю, когда перехочу. Засыпаю, свернувшись калачиком. Могу сойти за складку на пуховом одеяле, особен но в темноте. Поэтому не вздумайте извиняться за то, что не заметили.

Он буквально взвизгивает, распрямляя спину:

– Извиняться? Мы с вами не в дверях театра столкнулись. И какое пуховое одеяло в июле? Вы не видите, что укрыты тонким покрывалом? Не наклейте и не забалтывайте меня. Я работал за компьютером в кабинете до двух ночи. Анализировал политическую ситуацию в стране и мире, кстати. Потом готовился ко сну, так сказать, при включенном свете. Да и, ложась, не мог не ощутить рядом постороннее тело, пусть и невменяемое. Или объясняйте, как попали в запертую изнутри на все замки и щеколду квартиру, мне, или я вызываю полицию. Впрочем, не исключено, что я ее в любом случае вызову. Она почти умоляет:

– Я не меньше вас заинтересована в том, чтобы вспомнить. А то еще поважусь проникать в чужие койки, уработавшись до бессознательного состояния. Полицейские же обхохочутся под ваш рассказ о запертой изнутри двери и молодой красавице в приличном белье, которую вы обнаружили у себя под боком...

Его сарказм нарочито груб.

– Красавице? В зеркало не забудьте посмотреться перед уходом.

Ее реакция безмятежно-естественна.

– Косметика размазалась? Странно, моя тушь не течет ни в ливень, ни в снегопад. Ее не всякое средство для снятия макияжа с первой попытки берет. Вот раньше, когда я по нищете студенческой всякой дрянью красилась, бывало, шарахались люди...

Мужчина начинает возмущенно:

– Прекратите делать вид, будто мы – персонажи двусмысленного анекдота. – И вдруг безразлично спрашивает: – А вы ничем э-э-э... заразным не больны?

Женщина тоже беспокоится, но отнюдь не за него:

– А вы? Допускаете, что между нами что-то было?

Он зол и не собирается этого скрывать:

– Исключено. Но вы, можно сказать, с улицы... В тонком белье, на моей простыне...

Она пытается не бояться его ярости:

– По которой с меня на вас ползут и ползут миллионы болезнетворных микробов. С моей точки зрения, человечество погубит не ядерная война. Нас уничтожат взбесившиеся вирусы. Правда, будут встраиваться в наши гены, пока не возникнет мыслящий вирус. А миллиарды людей в ходе такой эволюции погибнут от жутких заболеваний.

Мужчина:

– Сомнительное удовольствие для вируса – стать мыслящим и уязвимым. А вам что вирусы, что микробы, что насекомые – все едино?

Женщина:

– А вы врач? Или, как его, микробиолог? Мы вообще сейчас должны были дружно отодвинуться друг от друга. Если бы при этом я свалилась на пол, вам стало бы легче.

Мужчина угрожающе:

– Не смешно. Еще раз спрашиваю, как вы здесь очутились?

Женщина устала острить, чтобы разрядить обстановку, и сдаётся:

– Господи, да не гоните так. Вы у себя дома. Я – неизвестно где. Дайте адаптироваться. А еще лучше – поспать еще часик. У вас такая кровать роскошная. У меня, в съемной конуре, жесткий-прежесткий диван. Пыточный агрегат какой-то. Стародавняя пуховая перина – моя мечта. Скажете, она негигиеничная?

Мужчина равнодушен к гигиеническому состоянию чужих перин и вяло бубнит:

– Скажу. Купите матрас. Что за манера из легко решаемых проблем делать трагедию. Да еще требовать сочувствия.

Женщина:

– Диван очень узкий, матраса на такой нет.

Мужчина:

– Разложите его. Наверняка ведь раскладывается.

Женщина:

– Теоретически. А практически тесно, и он краем упирается в платяной шкаф.

Он, передохнув на теме дивана, вновь свирепеет:

– Вы не находите, что это не мои проблемы? И вообще, хватит благоденствовать. Одевайтесь и по мере натягивания на себя тряпок вспоминайте, мышь летучая.

На ее лице – гримаса, будто она смутно что-то припоминает. Спрашивает быстро и с интересом:

– Почему летучая мышь? Вы намекаете, что я – дочь камергера? Или на то, что проститутка?

Мужчина:

– Знаете, как это называется в наркологии? Плоский алкогольный юмор.

Женщина:

– Давно лечились?

Мужчина:

– Даже не напивался никогда. Просто начитанный. А вы – уголовница, причем опытная. Дверь действительно неприступна снаружи. Я потратил на нее много денег. Стену взорвать проще, чем ее открыть. Следовательно, вы влетели в окно. Но назвать вас птицей язык не поворачивается. Мышь!

Женщина:

– А какой у вас этаж?

Мужчина с издевкой, почти по слогам:

– Четвертый этаж девятнадцатэтажного дома. – И далее скороговоркой: – В нем живут те, кто не опускается даже до ипотечного кредита. И в подъезд проникают только жильцы и приглашенные гости. Вывод один – ваш сообщник обслуживает этот корпус. Какой-нибудь электрик.

Женщина с неподдельным ужасом закрывается от новой информации тонкими голыми руками:

– Ой, мамочка... Четвертый... Девятнадцатизэтажного! Слушайте, а можно душ принять? Иначе я соберусь за секунду и не успею ни до чего правдоподобного додуматься. Из тряпок, как вы выражаетесь, у меня только платье. Так, вон оно висит на спинке стула. Из обуви – босоножки. Угу, стоят возле кровати. Из аксессуаров – маленькая атласная сумочка... Где она? А, смотрите-ка, в кресле. Нет, не подумайте, что я время тяну. Просто успокаиваю вас тем, что летаю налегке. Но знаете, все остро необходимое при мне. Даже зубная щетка.

Его возмущение теряет границы.

– Ага, не случайно проникли! Акция спланирована! И сообщники неизбежно есть! Где мой сотовый...

В ее испуге сквозит отчаяние.

– Какая еще акция? Ну, какая?! Не суетитесь вы, очень прошу. Я перед встречей с Ириной возле метро купила новую зубную щетку. Домой. Моя совсем разлохматилась. Наверное, вы свою раз в неделю меняете? Правильно! Ученые говорят, что лучше вообще зубы не чистить, чем старой щетиной проталкивать микробы в ткани, которые корни зубов окружают. Это ужасно вредно для сердца. Ладно, не сатанейте, закругляюсь. Мне десять минут делать было нечего. А про полеты налегке я пошутила. Неудачно, конечно. Но в моем унылом положении лучше не получается. Между прочим, почему вы не вскочили и не бросились к телефону? Голым спите? Застеснялись? Очень выражена утренняя эрекция? Так это нормально, все-таки даму рядом с собой обнаружили.

Он невольно широко улыбается, а затем нехотя суровеет:

– Вы – пошлячка, девушка. И психологические трюки у вас дешевые.

Она, уловив его колебания, пытается наступать:

– То-то вы расплылись в самодовольной ухмылке.

Мужчина:

– Пошлость заразительна.

Женщина, сочувственно вздохнув:

– Бедняга. Для вас люди – источник заразы. С них микробы атакуют. Их пошлость залезает к вам в невинный рот, вылетает из него и нагло притворяется вашей собственной. А по доброй воле вы изрекаете лишь высокие истины. Опиши мне вас кто-нибудь, я сказала бы, что вы – зануда. Скучнейший, потому что бывают еще забавные. А встретились, и благодарю судьбу. Любой менее брезгливый давно изнасиловал бы. Так вы позволите принять душ? Умыться? Зубы почистить? В туалет сходить?

При перечислении этих естественных человеческих надобностей он смягчается:

– Это вы – бедняжка, раз полагаете, что любой мужчина готов взгромоздиться на любую полуголую приبلуду. Довели вас рекламные призывы быть сексуальной любой ценой. Использовала такой шампунь, сякой крем, ту пудру, эту помаду, напялила короткую юбку – и тебя захотели даже фонарные столбы. Кто не хочет бесплатно, тот импотент или гомосексуалист. Кто за то, чтобы скрыть, что не хочет, готов заплатить, тот муж. Ну, а тот, кто хочет, – кобель и подонок. Что-то я разошелся... После такой речи неловко отказать вам в водных процедурах и запретить доступ к унитазу. Санузел прямо по коридору. Только не забывайте, что я вас не приглашал. Скоренько, все скоренько. И приходите потом в кухню кофе пить.

Тут она пасует и не успевает настроиться на мирное сосуществование:

– Спасибо, вы так великодушны, если учесть, что после моего ухода придется все дезинфицировать, чтобы самому воспользоваться. – Он опять хмурится, и она вписывается в поворот событий: – Нет, правда, спасибо. Я не задержусь. Взгляните пока, что там с окнами. Может, под ними подъемный кран стоит? И запоры свои на двери проверьте. Вдруг все-таки вы меня впустили?

Женщина левой рукой придерживает одеяло на груди, а правую тянет к платью на спинке стула, но он слишком далеко. Мужчина отворачивается. Она встает – на ней лифчик и трусики. Надевает простое светлое летнее платье, сует ступни в босоножки на высоком каблуке, не застегивая ремешков. Чуть шаркая в расстегнутой обуви, подходит к сумочке, открывает ее и достает зубную щетку в упаковке. Обращивается к мужчине, помахивая щеткой. Потом, вздохнув, вынимает из сумочки паспорт и протягивает ему. Он отрицательно мотает головой. Она кладет паспорт в сумочку, сует ее под мышку и выходит из спальни, прикрыв дверь.

Мужчина тоже откидывает одеяло и поднимается. Он в пижамных штанах. Снимает с вешалки домашний халат, но, подумав секунду, возвращает его на место и выбирает джинсы и легкий пуловер. Опасливо косится на дверь и скрывается за ширмой. Вскоре выходит оттуда одетым и тоже покидает спальню.

2

Тоже современно и дорого обставленная кухня. Мужчина наливает кофе из турки в чашки. Входит женщина. Она тщательно одета, подкрашена. Волосы слегка влажные. Не дожидаясь приглашения, усаживается на табурет. Мужчина довольно непринужденно улыбается ей и пододвигает чашку:

– Я дома не ем, так что угощать вас нечем. Впрочем, и не обязан. Но у меня есть вино. Опохмеляться будете? Может, таким не хитрым способом вернем вам память?

Женщина, вымывшись и освежив макияж, исполнилась достоинства:

– Благодарю, реанимации контрастным душем достаточно. Я еще ни разу в жизни не опохмелялась.

Мужчина:

– Какие ваши годы, все впереди.

Женщина:

– Говорю же, я вчера не столько опьянела, сколько одурела. Звучит двусмысленно, но я не наркоманка. Какой ароматный кофе. И вкусный. Знаете, я думала, что люди просто выпендриваются, говоря «вкусный – не вкусный». Для меня он весь был одинаковый – горький и пахнущий кофе. Пока я однажды настоящий, хороший, естественно дорогий, не попробовала. Ну, почему вы все время кривитесь? Да, красилась дрянной косметикой, пила мерзкий кофе. Не все же рождаются богатыми. Вариант предпочтительный, но не обязательный. А большинство людей, между прочим, до смерти используют дешевку и счастливы, потому что уверены, что «все оно одинаково». Вы проверили замки? Так хочется надеяться, что я их взломала, что не через кирпич, дерево и металл просочилась...

Мужчина:

– С замками – порядок. Открытой оказалась балконная дверь. Как я забыл про нее? Только не врите, будто были приглашены на романтический ужин жильцом из соседней квартиры справа от моей. Будто вдруг из командировки вернулась его жена, любовник грубо вытолкнул вас на балкон, с которого вы, рискуя жизнью, и перебрались на мой. Кажется, я что-то подобное в кино видел. Я только что созванивался с соседом. Он – милейший пожилой человек. Они с супругой воспитывают двоих внуков от первого брака дочери. А та работает в Америке, обеспечивает родных материально. Все дома, у всех все нормально. Так откуда взялись вы? Вас в самом деле доставили именно к моему балкону с помощью какого-то подъемного механизма? Зачем?

Она смущенно, но поразительно искренне врет:

– Хотела провести ночь рядом с кумиром. Я пылко люблю вас вот уже два года...

Он смеется:

– И откуда же вы знали про чуть приоткрытый балкон?

Смех почему-то ее не радует, и ответ звучит минорно:

– Часами наблюдала за вашими окнами в сильный бинокль...

Мужчина впадает в ярость и вопит:

– Хватит! Прекратите, наконец!

Кажется, он сам не рад неожиданности и силе приступа. Вскрикивает, делает резкий шаг к музыкальному центру и включает его. Кухня сотрясается от роковой композиции. Он с минуту стоит спиной к оккупантке, сжимая кулаки, затем медленно поворачивается лицом, которому чудом умудрился придать бесстрастное выражение. Она явно сама себе главная врагиня, потому что заявляет:

– Мой папа этот грохот и вой тоже обожает.

Мужчина держится в рамках насмешливой приветливости из последних сил:

– Да, у любого чудовища есть родитель. У вашего – хороший музыкальный вкус.

Женщина, стараясь не вызвать новой бури, осторожно пробует льстить:

– Я ничего такого не имела в виду насчет возраста. Просто думала, что человек вашего уровня в кухне классику слушает.

Предположение вызывает не тот эффект, на который она рассчитывала.

– Кофеек под Рахманинова? Супчик под Шостаковича? Или вы настолько безнадежны, что считаете симфонии Моцарта попсой для завтрака? Пошлость, снова пошлость. – На сей раз у нее хватает ума промолчать. И он почти спокойно говорит: – В рок-музыке тоже давно есть классические произведения.

Женщина, будто опомнившись:

– Извините. Действительно безобразие. Сажу тут, пью ваш кофе и дурочку валяю. Конечно, я вспомнила, каким образом к вам попала. Но это настолько дико... Мне очень неловко. Нет, мне стыдно. Отпустите меня, пожалуйста, без объяснений. Клянусь, безопасности вашего жилища мой визит не угрожает. Я безобидная сценаристка, фрилансер. Никто не нанимал меня для съемок микрофильма в вашей квартире или для установки жучков. Вы же нормальный человек, понимаете, что для этого используют совсем других людей.

Он возвращается к музыкальному центру и выключает его с каким-то сожалением. Задумчиво тянет:

– Ну почему же... Всяких используют. И учат профессионально дурочку валять.

Женщина снова приободряется:

– Точно. И кофе пить учат. Угроздило меня нарваться на параноика. Ой, слушайте, я недавно Фрейда читала. Один больной паранойей уверял, будто все поголовно хотят от него избавиться. Фрейд: «С чего вы взяли?» А пациент ему: «Я на днях уезжал в поезде, так, когда он тронулся, каждый человек на перроне делал мне соответствующий прощальный жест». У вас, конечно, еще не та стадия, но ведь все в нас развивается.

Мужчина:

– Мне иногда кажется, что только клинические идиоты на самом деле психически здоровы. Как вас зовут?

Женщина теряет и краснеет:

– Что?

Мужчина:

– Ваше имя?

Женщина:

– Зачем вам? А, ладно, имеете право знать. Таня. Татьяна. В нашей семье всех внушек называют в честь бабушек Татьянами. То есть дать дочери другое имя может только Татьяна. И эта, с другим именем, назовет свою девочку снова Таней. Понимаете?

Мужчина, недоверчиво прищурившись:

– Принцип понял. Кажется, колдовские способности передаются именно от бабушки к внучке? Радуйтесь. На кострах теперь не сжигают. А в этой припадочной стране спрос на таких, как вы, никогда не снизится. До Фрейда не дорастем, это точно. Хотя для Запада он давно всего лишь отправная точка.

Печальное выражение лица не красит женщину, будто смазывая черты, но слова она произносит твердо:

– Лучше быть отправной точкой, чем многоточием в конце. А по поводу бабушек и внучек... Все, что лишает беззаботности, передается через поколение. Даже рак.

Мужчина:

– Про рак не знал. Достоверная информация? Половой признак играет роль? От бабки к внучке, от деда к внуку? Молчите, сам проверю на досуге. А если у беззаботной мамы с другим именем родятся две девочки? Од на будет Татьяной. А вторая? Женщина:

– Да, старшая будет Татьяной. А младшая кем угодно. Она все равно не унаследует. Только я представления не имею что. Об этом каждая следующая Таня узнает, когда предыдущая на смертном одре. На всякий случай есть еще письменное завещание, предназначенное только Татьянам. Моя бабуля еще жива и здорова.

Мужчина заинтригован и, судя по мимике, сам не одобряет своего любопытства, с которым спрашивает:

– А если мальчик родится? Его нарекут Тань? Татиан?

Женщина:

– Нет, просто будут рожать до победного, то есть до ребеночка женского пола. Но почему-то из поколения в поколение первыми появляются на свет девчонки. Моя тетя, мамина сестра, так хотела сына... Вернее, ее муж требовал. Трех дочек ему было мало. И четвертым родился мальчик. Только он оказался умственно отсталым.

Мужчина наконец-то развеселился по-настоящему:

– Достаточно. С вашей наследственностью все ясно во всех аспектах.

Женщина:

– Не смейтесь! Тете было уже лет сорок, когда она рожала последнего. А ведь с годами риск неполноценности в потомстве возрастает. Потом, есть еще отцовская линия, хоть ее муж и отрицает, что у предков были проблемы. Если в вашем роду все проверяли наследственность женихов и невест, прежде чем окольцеваться, и производили по одному малышу в юном благодатном возрасте, это не значит, что гены безупречны.

Мужчина:

– А я собственные гены и не обсуждаю. Просто комментирую чушь, нести которую вас никто не принуждает. Вы вообще поразительно болтливы. Но вопля «Хватит, пошла вон!» вы из меня таким способом не выжмете. Так как вы попали ко мне?

Запальчивость в собеседнице еще не угасла.

– Меня с пятого этажа на веревке спустили, вот! Эти кретины решили под предлогом поиска простыней то ли покурить, то ли выпить... Ой... Вот я и проговорила. А вы хитрый, запутали меня с именами.

Голос мужчины сначала громок, затем переходит в басовитый ор и лишь к концу тирады перестает распирает берега гортани:

– Кто кого запутал? Это вы вашими странными родственничками отвлекали мое внимание. Отвечайте, наконец, какие кретины? То есть тут все ясно, давайте их фамилии и адреса. На какой веревке? Откуда в нормальном доме веревка, способная выдержать вес человека? Только не уверяйте, что каждый держит на случай, если ему приспичит вешаться. И какая связь между простынями, выпивкой и курением? Сосед с пятого этажа напился до умопомрачения и решил пошутить? Так мы с ним едва знакомы. Или ограбить, потому что на водку не хватило? Это ближе к истине. Когда, когда мы, наконец, расслоимся по-настоящему? Кажется,

человек, купивший квартиру в новом доме, способен зарабатывать, а значит, серьезен и ответствен. Но нет, что в трущобах творится, то и здесь. Все-таки надо было в старом добром центре поселиться. Один нюанс: я там родился и вырос, любое место ассоциируется с родительским домом. Захотелось расширить владения. И вот начались сюрпризы.

Женщина:

– Не расстраивайтесь, вы разумно и вовремя вложили деньги. И не кокетничайте, тут вовсе не окраина. А по поводу центра ошибаетесь. Мой знакомый снимает, то есть фирма ему снимает, квартиру на Тверской. Так за одной стенкой регулярно избивают женщину, и она душераздирающе голосит, за другой постоянно ревет музыка и вопит обкуренный молодняк. Да, еще мусор выбрасывают в окна по ночам. А какой подъезд грязный!

Мужчина не замечает, каким напыщенным стал его тон.

– Отпрыски семей без традиций не ценят духа старых стен. Это относится к тем, кто сдает. О съемщиках и говорить противно. Ладно, не до обсуждения московских реалий. Ненавижу застекленные лоджии, но придется превратить свою в клетку. Очевидно, что сосед у меня проблемный. Сейчас поднимемся к нему и все выясним. Хотя без полиции соваться в вертеп не стоит...

Глаза женщины наполняются слезами, кончик носа краснеет.

– Пожалуйста, не надо. Ведь вам совсем не хочется связываться со стражами нынешнего беспорядка. Хозяин квартиры ни в чем не виноват. Мы были ему не интересны, он рано наклюкался и заснул, все произошло без его ведома, а тем более участия. Выслушайте, прошу вас.

Мужчина: – Я наслушался до тоски зеленой. Вы мне все о себе рассказали.

Ехидная натура женщины побеждает даже рыдания.

– А вы мне и того больше.

Мужчина тоже не сдерживает насмешки:

– Что именно, прозорливица доморощенная?

Женщина:

– Я отвечу, но только потом, чур, не смущаться и не злиться. Вы не специально. Просто создали шаблоны хвастовства и привыкли: зашла речь о работе вообще – упомяни собственную престижную. О квартире заговорили – отчитайся, что коренной москвич, да не из спального района. Или это не хвастовство, а сигнал для понимающих – я свой по происхождению, воспитанию, образованию. Смотрите, вы родились и выросли в центре. Можно было бы обмануться рассуждением о семьях без традиций, чьи отпрыски не ценят духа старых стен, и мысленно поселить вас в коммуналку к аристократам духа. Но те не говорят таким человеконенавистническим тоном! Кто у вас дедушка? Советская шишка? Из тех, кто приватизировал кусок социалистической собственности без риска для здоровья, пока остальные конкурентов в асфальт закатывали и расстреливали? Впрочем, другой собственности тогда не было, все рвали в клочья одно одеяло. Значит, ваш папа унаследовал шикарную квартиру и занимается бизнесом на приватизированных станках. Или нефтяных скважинах. Самому-то престарелому заслуженному коммунисту, пардон, запахло, если он жив. А вы, внук элитного партаппаратчика, сын богатого капиталиста, уже можете позволить себе анализировать политическую ситуацию в стране и мире. Аналитика – удел господ и со связями, и с деньгами. Как любое прибыльное дело. Вы даже сообщили, что в вашем монолитно-кирпичном доме люди «до ипотечных кредитов не опускаются». Прямо все девятнадцать этажей в этом и пяти соседних зданиях всеми куплены легко? Никто не поверит. Но что правда, то правда, получить такой кредит может не всякий. Хотя вы же не собирались мерзко лгать? Вы хотели сказать, что сами обошлись уже имеющимися на вашем счете в банке средствами. Ну, возможно, папа немного подкинул.

Мужчина:

– Так и есть, изображаете ясновидящую. И выдаете газетные штампы. Вы совершенно не способны говорить по делу. Поэтому беседуйте с полицейскими, играйте в психоанализ с ними.

Отчаяние женщины все-таки прорывается наружу.

– Не надо! Клянусь, только суть и быстро. Я лингвист по образованию, я сумею. Значит, мне нестерпимо захотелось домой. Позвала Иринку. Она сначала согласилась, а по том исчезла где-то в недрах квартиры. Костю своего ждать. Он с ней как со скотиной обращается, а она, дура... Ой, извините, больше не отвлекусь. Я чувствовала, что умираю с одного коктейля, мне так плохо стало в чужой пьяной толпе. Только в ней и сообразила, насколько устала от людей и трепа. Собралась уйти по-английски и обнаружила, что дверь заперта, а ключа нет. Обратилась к одному, другому – никто не в курсе. Хозяин дрых к тому моменту беспробудно. А на меня накатило – ухожу! Разревелась, кричала, что, если не выпустят, с балкона прыгну. Ну, кто-то сильно окосевший меня и пожалел. Говорит, зачем прыгать? Ты худышка, легкая, а мы – мужики накачанные, тренированные, сильные. Обвяжем веревкой и спустим. Всего-то пятый этаж. Альпинисты мы или не альпинисты? Все заорали: «Альпинисты! Лучше гор могут быть только горы! Первым делом, первым делом самолеты!» Вышли на балкон, посмотрели вниз – показалось, невысоко. Восемь крепких рук обеспечили бы мой спуск за несколько минут. Этот, инициатор, то ли знал, где у хозяина бельевая веревка, то ли случайно нашел в шкафу два мотка. Сложили каждый моток вдвое, обвязали вокруг моей талии, соорудили узлов десять для надежности. Дали кухонный нож, чтобы на земле я «перерезала страховку». Все перекрестились, взяли за концы веревки, я перелезла через край лоджии, повисла, вроде нормально, освобождение было совсем близко. И тут они принялись спорить, до второго или третьего этажа смогут меня спустить без удлинителя. Решили привязать четыре конца, которые держали в руках, к перекладине, и отправиться на поиски каких-нибудь простыней. Бросили мне вниз, чтобы не волновалась, не дергалась и ждала. Потом действительно как-то закрепили концы и ушли. Я мгновенно протрезвела. Сообразила, что вишу на уровне вашей лоджии, она, слава богу, не остеклена, и необходимо зацепиться за край и подтянуться. Удалось чудом. Когда я сползла на пол, мимо пролетели два отвязавшихся конца веревки сверху. А петля, которая была на мне такой тугой, что дышать мешала, свободно снялась через бедра. Я в сердцах выбросила нож. И почувствовала, что меня колотит, голос подать я не в состоянии, ноги подкашиваются, голова кружится. Альпинисты паршивые вернулись и очень удивились. Рассудили здраво: труп моего на земле нет, веревка хоть частично, но держится, получается, я передумала, взобралась назад и пошла с горя квасить. Они, естественно, двинулись следом. А два оставшихся конца веревки сами собой тоже развязались, и она упала на землю. Со мной что-то страшное начало твориться – искры из глаз посыпались и будто кто-то позвал по имени. Помню, что попыталась лечь на бетонный пол... Больше ничего не помню. Надо полагать, сомнамбулически обнаружила, что дверь в комнату открыта, вошла... Извините... Ну, простите меня, пожалуйста!

Морщины сосредоточения на лбу мужчины разглаживаются, и он грустно произносит:

– Почему для других наша жизнь должна быть чем-то святым, если мы сами ее не ценим и не бережем? То, что вы вытворили, отвратительно. У вас совесть есть? Вы же Татьяна!

Теперь женщина недоуменно морщит лоб и осторожно подтверждает:

– Да, Татьяна. Это звучит как-то особенно гордо? К чему-то необыкновенному обязывает? Или вы про перевод с греческого? Повелительница. Ну и что? Чем и кем рекомендуете повелевать? Собой? Так я только этим и занимаюсь. А, простите, как вас зовут? И насколько вы соответствуете?

Ответ звучит настолько гордо, что становится смешно:

– Я – Арсений, это в переводе с того же греческого означает мужчина. Соответствую вполне. И во всех смыслах. Но не обо мне речь. Вас рожали, называли, берегли, чтобы передать какие-то секреты. Некая связь не должна прерываться. Вы – избранная. Как бы ни опошлили

избранничество писатели-фантасты, в передаче знаний один на один, от старой к малой, что-то есть. Мужество неразглашения тайны длиною в жизнь вызывает уважение.

Татьяна после покаяния готова восстановить равновесие, напав на Арсения:

– Да, чувствуется, вы сильно мучились поисками собственного предназначения! Страдали прямо! Материальной обеспеченности было мало. Грезили избранничеством? А не думали, каково избранным? Они же невольники. Им же всегда передают крест! Долю навязывают. Обрекают.

Арсений, похоже, задет за живое:

– Вот-вот. Крест под названием «ответственность» и связанные с ней самоограничения. Вам еще ничего не передали, а уже истерика. Долю ей навязали! Не напиваться до чертиков и не позволять себя гробить другим алкоголикам! Не все избранные достойны, да?

Татьяна взрывается:

– Вы о чем говорите? О выборах председателя какого-нибудь правления? О назначении на руководящую должность? Так оттуда и достойных, и недостойных увольняют за милую душу. Все, теперь мне надоело! Вызывайте свою полицию. Арсений! Мужчина! К соседу один сходить боитесь!

– Ну, вы, извините, и дура, – обескураженно, словно забыв о том, что многократно провозгласил это раньше, говорит он.

Она уже не обращает внимания на обидные слова:

– Верю, досадно. Вам, ответственному, мудрому, богатому, ни фига, кроме денег. А мне, безответственной, бездомной нищей дуре, – тайное знание. Ничего, переживете.

Арсений:

– Бесспорно, переживу! «Ни фига, кроме денег»! Будто меня не воспитывали, не учили, ограждали от искусства – книг, картин, музыки, фильмов. Это, по-вашему, фиг? Уму непостижимо. Влезла ко мне через балкон, а я ее ободряю. И не смеюсь над тайным знанием, которое наверняка есть текст заговора зубной или головной боли на плохом старославянском. Так она обнаглела и разошлась! Хамка!

Татьяна начинает плакать. Тихие редкие всхлипывания перерастают в горестный скулеж. Арсений скрещивает руки на груди, молча отступает на пару шагов и словно любит ее реакцией. Потом выходит в прихожую, открывает входную дверь. В подъезде шумно. Он пересекает лестничную площадку, задирает голову и смотрит вверх. Потом возвращается к своей квартире, останавливается возле двери, приваливается плечом к косяку в явной готовности слушать. Через пару минут рядом оказывается Татьяна и тоже прислушивается.

3

Лестничная площадка того же дома. Напротив квартиры, где вчера была вечеринка, довольно многолюдно – полицейский в форме, слесарь с ящиком инструментов, две пожилые женщины, явно соседки.

Первая соседка чуть ли не насккивает на полицейского:

– Да, я вас вызвала. Я вас все утро вызвала, если точнее. Вы не спешили, хотя и являетесь нашим участковым. Это – первый ночной дебош в доме. Они орали, постоянно молотили в дверь изнутри. Правда, Надежда Эдуардовна?

Вторая соседка:

– Правда. Мы не позволим... – Смущается и быстро поправляется: – Нам не хотелось бы скандалов, поэтому не позволяйте им шуметь.

Хрипловатый голос полицейского не грешит энтузиазмом:

– И часто здесь гуляют?

Первую соседку его реакция сердит.

– Я же сказала – дебош впервые. Вы меня слушаете? Это возмутительное невнимание! Принимайте меры. Пусть знают, что все безобразия будут немедленно пресекаться.

Вторая соседка:

– Собственно, разумеется, это обременительно, когда шумят... Но, понимаете ли, люди... Они стучатся из квартиры и кричат, чтобы их освободили... Они молят о помощи...

Первая соседка:

– Так вы им сочувствуете, Надежда Эдуардовна? Или мне, глаз не сомкнувшей?

Вторая соседка:

– Всем я сочувствую. Представьте, что вас откуда-то не выпускают.

Первая соседка:

– Какая низость с вашей стороны.

Полицейский, довольный легкой сварой дам, поворачивается к слесарю:

– Тебя, Петр, тоже эта женщина вызвала?

Слесарь еле слышно:

– А вот хрен ей, в субботу и бесплатно. – Откашливается и громко докладывает: – Хозяин звонил по телефону. Они ключ потеряли еще с вечера. Сегодня тоже не нашли. Попросил вызволить. Да я вот гляжу, замок дорожный, в дверь впаян. Значит, надо долбить косяк. То есть ребят вызывать с техникой. А вдруг тем временем ключ обнаружится? Потом я же и виноват окажусь, что испортил? Потолкуй с хозяином, Алексей Дмитриевич. Он точно от своих слов не откажется?

Из квартиры раздаются приглушенные крики:

– Да ломай уже, ломай!

Полицейский:

– Кто хозяин? Пусть один хозяин говорит!

Голос из-за двери:

– Я хозяин, я. Открывайте как-нибудь, выпустите моих гостей! Я больше не могу видеть их рожи, я устал, меня тошнит!

Полицейский слесарю:

– Давай, Петр, раз такое дело. А то еще или он за гостей примется, или они за него. Ломай.

На лице слесаря отражаются все рухнувшие надежды его жизни.

– Тут бетон надо долбить...

На этаже останавливается лифт, из кабины на площадку выходит молодая блондинка, слышит лепет слесаря и властно обещает:

– Я вам подолблю! Я вам сломаю! Мало не покажется! Что здесь происходит?

Полицейский:

– А вы кто?

Блондинка:

– Хозяйка.

Слесарь хихикает, как подросток:

– Возвращается жена утром из командировки.

Блондинка:

– Что вы бормочете? В ваших услугах я не нуждаюсь.

Слесарь:

– Ничего. За вызов в выходной заплатите. Я с семьей завтракал, меня из-за стола, между прочим, выдернули.

Ответ хозяйки звучит, мягко говоря, зловеще:

– Тогда ждите. Кто выдергивал, тот и заплатит. Всем и за все.

Первая соседка:

– Вы уж, милочка, призовите супруга к порядку. Целую ночь покоя не было. Участкового пришлось звать, вот до какой степени буянили.

Блондинка:

– Бабуля, идите к себе и отоспитесь. Вам никто за беспокойство платить не будет.

Вторая соседка укоряет:

– Боже мой! Как вам в голову такое пришло!

Уходит к себе.

Первая соседка:

– Бежите с поля боя, не добившись справедливости, Надежда Эдуардовна? Какая низость с вашей стороны!

Тоже уходит к себе.

Блондинка, не обращая внимания на участкового, достает из сумочки ключи и отпирает дверь. На площадку выскакивает плотный немолодой человек в помятом костюме и залепляет ей увесистую пощечину с выкриком:

– Ты где шлялась?

Она привычно размахивается и тоже одаривает его оплеухой. Несколько лиц, выглядывающих из двери за спиной хозяина, быстро исчезают за косяками.

Блондинка:

– Где я шлялась? Я вчера полтора часа под запертой дверью проторчала. И какие-то мудаки мне орали, что ни тебя, ни ключа нет. А я, видишь ли, сумку со своими ключами у мамы забыла. Пришлось снова ехать к ней. И конечно, она меня больше не отпустила.

Злорадство хозяина, кажется, плещется в стенах подъезда.

– Мама в курсе? Я отмщен за все! Очень хорошо! Наконец-то будет повод рассказать ей, как и с кем ты проводишь время! Я специально попросил своего секретаря-референта пригласить людей твоего возраста и, так сказать, образовательного уровня, а их – чувствовать себя как дома. Это было ужасно. Зато теперь я точно знаю, каковы твои развлечения. А то с моими ровесниками ей скучно! Аристократка в купеческой среде! Со своими весело? Сама же назвала их мудаками! Я так хотел, чтобы, вернувшись домой, ты полюбовалась на них. И хватит врать, будто в твоей компании только о мировом кинематографе за чашкой кофе рассуждают. Я все сам видел и слышал.

Реакцию блондинка выдала сложную. Сначала – вкрадчивый полусшепот:

– Ты совсем не понимаешь, что это – не моя компания? Что люди одного возраста бывают разными? Или отказываешься понимать? – И затем торжествующий визг: – Значит, ты экспериментировал? Пытался меня понять? Душу мою разгадать? Сволочь! Я сейчас посмотрю, каких баб подогнала тебе твоя секретутка! Он специально попросил своего секретаря-референта! Будешь моей молодостью и образовательным уровнем оправдывать свои оргии?

Полицейский:

– Вы бы, граждане, зашли в дом и там беседовали.

Слесарь:

– Нет, пусть за беспокойство заплатят.

Из квартиры гуськом выходят шестеро – четверо парней и две девушки – шатенка и брюнетка. Вид у всех не очень свежий, будто неделю в поезде тряслись, и одинаково возмущенный.

Брюнетка с ходу начинает презрительно втолковывать блондинке:

– Нас, между прочим, никто ему не подгонял. Нас, между прочим, пригласили от имени Костика. Мы давно бы отсюда сбежали, но твой красавец ужрался и заснул. А ключ исчез. И учти, кроме тебя, с этим боровом никто не ляжет.

Хозяйке реплика доставляет удовольствие, которым она щедро делится с мужем:

– Слышал? Боров! И я у тебя единственная! Ты соображаешь, сколько ты мне должен за мое терпение?

Хозяин:

– Уж не меньше, чем ты мне. А вы, свиньи неблагодарные, убирайтесь. Плохо ли повеселились на халяву?

Один из парней:

– Ну, ты полегче. Как фамилия твоего секретаря? По какому принципу он нас отбирал? Явно ведь знакомый одного-двух наших общих знакомых. Говори, я набью ему морду. И тому из своих, кто обо мне всяким там треплет. А если не скажешь, тебе набью. За угощение не благодарю, мы за него тут ночь отсидели, как в каталажке.

Хозяин:

– Чтоб вам в настоящей каталажке век ночевать. Признавайтесь, у кого ключи в кармане? Думаете, умнее меня? Я дверь сегодня менять буду.

Блондинка:

– Слушай, ты, экспериментатор! Запихивай их всех обратно, пусть мент, тьфу, полицай каждого обыщет. Погоди, да ты сам ключи спрятал, чтобы сменить дверь и под эти траты не пустить меня в Италию на распродажу. Господин полицейский!

Тот, разобравший и «мент», и «полицай», мрачно усмехается:

– Прежде чем кого-то запихивать и обыскивать, гражданка...

Хозяин:

– В Милан я б тебя и так не пустил. Пошли все вон, не могу больше.

Гости угрожающе галдят. Блондинка истошно кричит:

– Ты меня непустишь? После сегодняшнего ты потерял все права на меня!

Наконец шум перекрывает звонкий голос шатенки:

– Ребята, плевать, с ключами вышла трагическая случайность. Вряд ли их кто-то из нас взял да еще с целью последующего грабежа. Глупо ведь. Вы что, не соображаете, мы не вызывали полицию, только слесаря. Значит, полицейский тут из-за трупа! Неужели Танька погибла? Под балконом тело нашли, да?

Все замолкают и оборачиваются к ней. Она на глазах публики заметно бледнеет.

Блондинка прижимается к своему борову и демонстрирует слабое знание зоологии:

– Допрыгался, козлик? Собираешь проходимцев, даришь им ключи от бронированной двери и баб с балкона по пьяни сбрасываешь? А вот среди моих друзей это не принято.

Оживляется полицейский и вкрадчиво интересуется:

– О каком трупе речь ведете?

Шатенка торопливо, будто ее не хотят слушать, объясняет:

– Со мной пришла моя подруга, Танька. То есть Татьяна, порядочная и трудолюбивая девушка, между прочим, не сомневайтесь. Через какое-то время ей очень захотелось домой. А ключ уже потерялся. Она разревелась, начала на запертую дверь кидаться. Ребята прониклись, пьяные – все душевные, обвязали ее веревкой и стали спускать с балкона на землю. Потом отлучились, чтобы взять простыни – думали, веревка коротковата...

Один из гостей:

– Да мы ее в две веревки обвязали, четыре конца хорошо закрепили на перекладине, узлы не могли сами развязаться!

Второй гость сильно толкает его локтем в бок. Парень испуганно замолкает.

Шатенка смотрит на них голодной волчицей и снова обращается к полицейскому:

– Они вернулись, а Таньки нет. И веревки тоже. Но на асфальте тела не было, точно. Хотя я сама не участвовала, это они клянутся... Я задремала. Утром зову ее, ишу... Бесполезно. Тогда они вспомнили, что спускали с балкона девушку. Но решили, что она струсилась и взобралась по веревке в квартиру. А ее нет. И что мне теперь делать? Куда заявлять?

С лестничной площадки снизу раздается голос Татьяны:

– Иринка, я здесь, не бойся. Я спрыгнула в лоджию на четвертом этаже. Не ждать же было, пока меня уронят.

Расталкивая народ, Иринка несется вниз по лестнице с радостным воплем:

– Танька! Ты жива! И не выгнали тебя хозяева? Ночевать оставили? Господи, какие люди замечательные! В таком доме, а добрые! Зато в нашей панельке сволочь на сволочи и все хором богатых ругают!

Полицейский, кряхтя, свешивается через перила и кричит:

– Гражданин, вы хозяин? У вас претензии к девушке есть? Она могла погибнуть, если бы меры к своему спасению не приняла.

Покорный голос Арсения снизу:

– Нет претензий. Я убедился, что этот бред – правда. Татьяна, Ирина, вы свободны. Прощайте наконец-то.

Женские голоса как ни в чем не бывало продолжают щебетать:

– Тань, Тань, и ты прямо к нему среди ночи с балкона вошла? А он?

– Ой, Ир, погоди, я тебе все-все расскажу.

– И почему он тебя через дверь не выпустил? Чем вы до утра занимались?

Полицейский и слесарь наблюдают за происходящим на площадке внизу. Остальная компания рассредоточилась – гости поближе к лифту, хозяева отступают к открытой двери квартиры. Снизу раздается другой мужской голос:

– Арсений! Что случилось?

Голос Арсения:

– Папа! Какими судьбами? Я тебя не ждал.

Голос Ирины и Татьяны:

– Здравствуйте!

Голос папы:

– Здравствуйте, здравствуйте. Ира, то есть Ирина Сергеевна! Что вы здесь делаете?

Голос Ирины:

– Ой, Евгений Владиславович! Это такая долгая и глупая история...

Голос Арсения, по-мальчишески ломкий от изумления:

– Папа, вы знакомы?

Насмешливый голос папы:

– А вы? Голос Арсения:

– Так, зайдите все в квартиру. Хватит цирковых представлений.

Внизу хлопает дверь. Восхищение блондинки беспредельно.

– Надо же! Куда ни плюнь, всюду жизнь. И как мир тесен. Мой боров ей в сексуальные партнеры не годится! И тут же нарывается на своего борова. – Поворачивается к мужу и ласково зовет: – Пойдем, горе мое. Расскажешь, из какого публичного дома баб приглашал... Ира, то есть Ирина Сергеевна! Анекдот.

Брюнетка:

– Заткнулась бы ты. Меня лично пригласил друг моего друга.

Один из гостей:

– Хватит уже, мы выяснили, как тут оказались.

Блондинка:

– С вами, девочки, ясно все. Одна по балконам к мужикам лазает. Вторую каждый мужик знает. Третья... Друг моего друга! А ты ничего, раз тебя рекомендуют друзьям.

У брюнетки давно сдали нервы, поэтому ей не удастся остановиться:

– Ты мне сказала, что я шлюха? Довольна? Но это твое мнение. Зато тебя твой потасканный самодур может пустить в Италию, может не пустить. Даже домой может не пустить, если

напьется. И это не мнение постороннего, это – факт. Дешево проданась, да не на один раз, а на всю жизнь.

Мужу достается от блондинки снова:

– Доволен, гад?

Гад впадает в мечтательность:

– Да, спасибо. Вот если бы еще на новую дверь не тратиться... Может, они все-таки меняют только замки?

Компания гостей, посмеиваясь, загружается в отверзший двери лифт. Слесарь бросается наперерез паре хозяев:

– Погодите, а за вызов заплатить? Я с семьей завтракал...

Муж хлопает себя по карманам. Жена демонстративно вздыхает, достает из сумочки купюру и подает ему.

Слесарь недовольно борется с судьбой:

– Полтинник? А сколько времени я потерял?

Блондинка:

– А как бесплатно развлекся?

Слесарь зло:

– Мы бесплатно и не такое видели. Мне деньги нужны, я сам тогда развлекусь.

Блондинка слесарю:

– Свободен! – Мужу: – Пошли!

Они уходят в квартиру.

Полицейский смотрит на двери лифта, но почему-то начинает спускаться по лестнице. Слесарь плетется следом и бубнит:

– Ладно, Дмитрич вон вообще ничего не заработал. Дерьмовая у него работенка.

4

В прихожей-холле квартиры Арсения стоят сам Арсений, Татьяна, Ирина – молодая женщина в очень открытом и очень коротком сарафане, в босоножках на шпильках, и Евгений Владиславович – лощеный моложавый мужчина лет шестидесяти в превосходном импортном костюме. Евгений Владиславович, не обращая внимания на сына и Татьяну, распекает Ирину:

– Ирина Сергеевна, я звонил вам вчера вечером, сегодня утром. Вы – недоступный абонент. А через два часа у меня встреча с Григорьевым. Представьте себе, он заинтересован, он по дороге в аэропорт заедет в наш офис. Я же не могу связаться со своим личным помощником. Да, я разрешил вам отдохнуть в эту субботу. Но обстоятельства изменились. Вы не желаете больше работать в фирме?

Ирина машинально улыбается и покаянно никнет головой:

– Евгений Владиславович, простите! Я отключила сотовый буквально на полчаса за десять минут до полуночи! А потом этот форс-мажор с ключами! И забыла включить! Но раньше я все равно не выбралась бы из этой проклятой ловушки. Давайте считать, что ваша потрясающая интуиция привела вас секунда в секунду как раз туда, где я была. Надо же, Григорьев решил. А мы с вами даже список участников с нашей стороны не... Пойдемте куда-нибудь, я восприму все руководящие указания. Если мне дадут кофе, сразу же смогу их творчески реализовывать.

Она решительно направляется по длинному узкому коридору в глубь квартиры и толкает первую попавшуюся дверь.

Евгений Владиславович комментирует то ли для Арсения, то ли для себя лично:

– Все правильно, только требование кофе лишнее. Сколько же сил и времени надо, чтобы вышколить женщину. То есть личного помощника.

Он бросается вслед за Ириной, скрывается в комнате и захлопывает за собой дверь.

Уже хронически изумленный Арсений с вялым возмущением обращается к Татьяне:

– Кто эта Ирина Сергеевна? Что происходит? Там же моя спальня.

Татьяна впервые за утро кажется расслабившейся.

– Происходит экстренное рабочее совещание. Ирина Сергеевна и есть моя подруга Иринка, о которой я вам все уши прожужжала. Видите, как волновалась за меня? «Где труп? Куда заявлять?» Строгая и деловая, да? Сразу видно, девушка – личный помощник крутого бизнесмена. И этот крутой мэн, как только что выяснилось, ваш папа. Нет, правда, здорово иногда убедиться, что подруге не наплевать, где мое безжизненное тело.

Арсений:

– Опять ваш утомительный треп!

Татьяна:

– Неужели вы еще не поняли, что это – защитная реакция? Я тяну время и пытаюсь найти вежливую форму выражения правды. Не даете найти? Слушайте как есть. Обвиняли меня в пошлости? А пошляк – вы. Законченный. Иринка просто двинулась по коридору, она представления не имеет, спальня за первой дверью или нет. Встреча с этим самым Григорьевым скоро, ей еще работать в интенсивном режиме, поэтому не все ли равно, где они с боссом переговаривают несколько минут? Во-первых, вы безошибочно связали возраст папы – седина в бороду, бес в ребро – с молодостью и секретарством Иринки. А у нее, между прочим, красный диплом по специальности «персональный ассистент руководителя». Не улыбайтесь сардонически, я за слова не поручусь, но смысл этот. Начиталась в детстве о Делле Стрит – доверенном секретаре Перри Мейсона.

Рык Арсения впечатлил бы и львиц в прайде.

– Я читал Гарднера, не заговаривайте мне зубы теперь уже не за себя, а за нее.

Будто не слыша, Татьяна гнет свое:

– Иринка чуть не умерла от счастья, когда выяснила, что теперь этому в универе учат. Понимаете, ее родители требовали, чтобы она высшее образование получила, а у прежних-то секретарш среднее. Во-вторых, вы таким тоном воскликнули: «Там же моя спальня!» – будто не исключаете, что они сейчас перепихиваются на вашей кровати. Словом, извращенцы. Ну, а кто вы после этого?

Арсений, злясь:

– Человек, который считает, что, случайно ворвавшись в чужую спальню, нужно если не смутиться, то хотя бы сразу оттуда выйти. И спросить хозяина, где можно поговорить.

Татьяна со смешком интересуется:

– Вас папа так воспитал? Тактичный человек, который знает, что кофе в чужом доме требовать неприлично. Но он двинулся за Иринкой, зная, что идет в спальню. Но по-простому захлопнул дверь. Потому что он и отходить от нее не собирался. Так и стоят оба в шаге от порога. Им в головы не пришло не то что ложиться в вашу постель, но и смотреть в ее сторону. Вы же отца родного компрометируете. Получается, он в состоянии трахнуть секретутку в любое время, в любом месте, не стесняясь ни сына, ни незнакомых свидетелей, в данном случае меня? И часто такое происходит? С Иринки-то взятки гладки.

Арсений явно готов заорать Татьяне: «Вон отсюда!», а то и вышвырнуть ее из квартиры собственноручно. Но тут в холл возвращаются Евгений Владиславович и Ирина. Меньше всего они похожи на любовников – сосредоточенные, хмуроватые. Только взлохмаченные распущенные волосы и сарафан Ирины, сильно напоминающий купальник, к которому привязан тонкий платок, мешают воспринимать ее серьезно. Начальник продолжает командовать:

– Ирина Сергеевна, десять минут, а лучше пять на приведение себя в порядок... – Манит сына: – Я к тебе по делу. Пойдем. – Затем резко поворачивается и уверенно направляется к арке, ведущей из холла в кухню.

Арсений делает шаг за отцом, но Ирина преграждает ему путь:

– Где ванная? Я очень спешу.

Арсений тупо показывает рукой на дверь.

Ирина быстро за ней скрывается. Татьяна, пытавшаяся сохранять нейтральное выражение лица, не выдерживает и прыскает:

– У вас есть психоаналитик? Запишитесь на прием немедленно. Вторая незнакомка в вашей ванной за одно утро, второй комплект микроорганизмов на эмали и кафеле. С ума сойти можно. Скажу в утешение, что Иринка чистоплотна, разборчива в связях и вообще за здоровьем следит.

Снова создается впечатление, что Арсений бросится на Татьяну с кулаками, но раздается голос Евгения Владиславовича, нетерпеливо и строго призывающий сына. Тот невнятно чертыхается и идет на зов.

Татьяна остается одна в холле. Застегивает все еще расстегнутые босоножки. Берет с тумбочки свою сумку, вынимает расческу, причесывается перед настенным зеркалом, возвращает расческу в сумочку. Оглядывает холл, собираясь уйти. Бормочет себе под нос:

– Так, Иринке не до подруг, звякнет, когда сможет. Сейчас ее шеф уволочет, и Арсений прирежет меня за все сразу. Пора выметаться. Что я здесь делаю, собственно?..

Дверь ванной приоткрывается, оттуда выглядывает слегка прикрытая полотенцем Ирина:

– Тань, раздевайся, давай скорее платье.

Татьяна:

– А я в чем домой пойду? В твоей фикции не то что верхней одежды, но и нижнего белья? Да меня же изнасилуют в метро!

Ирина:

– Брось, никто не покусится. Негласный договор. В жару в мегаполисе женщины прикрывают бюст и попу, а мужики считают цветные трусы шортами и собственную шерсть на груди майкой. Мы на них не кидаемся, они – на нас. Все вспыхнувшие цивилизованно договариваются.

Татьяна:

– А в твоём трудовом договоре нет пункта, согласно которому фирма обеспечивает тебя тряпьем в ситуации, как сейчас? Кстати, сын твоего босса решил, что папа, которого ты за три минуты удовлетворила в спальне, по дороге в офис купит тебе все, что попросишь.

Ирина:

– Кретин. Он и его маме-то через раз не дает денег на кожаные сумки – у нее на них бзик, то есть покупка каждой сумки производит терапевтический эффект. Плюет на лечение нервов супруги, плюет. А мне не желает повышать зарплату и выписывать премии, хоть увольняйся. Думаешь, кто будет виноват во всем? Я! Горбатясь на него, надо каждую секунду быть готовой к подвигу. А я позволила себе не быть. Тань, шевелись, иначе я останусь безработной.

Татьяна:

– Понятно. А ситуацию «как сейчас» в договоры не включают, потому что юристы не в силах такое даже выдумать. Ох, Иринка, чего не сделаешь не в службу, а в дружбу.

Татьяна скрывается в ванной. Через несколько минут оттуда появляется Ирина: гладко причесанная, в легком, длиною до колен, светлом элегантном платье. Личный помощник, как с картинки. Следом выходит Татьяна, которую легкомысленный сарафан преобразил до неузнаваемости. Она похожа на школьницу, дорвавшуюся до гардероба проститутки. Татьяна поправляет сзади подол, пытается оттянуть его вниз и громко ворчит:

– В негласном договоре сказано попу закрывать. А у меня ощущение, что я договор нарушила. Может, пришпилить туда бумажку с текстом, дескать, простите, мужики, я не виновата. Желающим разобраться ответят по такому-то номеру телефона. Спросить Ирину.

Подруга уже не реагирует и зовет во весь голос:

– Евгений Владиславович, я готова!

Шеф сразу выходит из кухни:

– Наконец-то. Поехали.

Татьяна при появлении отца с сыном отступает за угол коридора. Они ее не видят и вряд ли помнят о ее существовании. Арсений, недоверчиво изучая метаморфозу облика секретарши, открывает входную дверь, выпускает Евгения Владиславовича и Ирину, которая коротко и сухо прощается. Закрыв дверь, он на миг прислоняется к ней спиной и закрывает глаза. Когда открывает, видит перед собой Татьяну. Делает вид, что хочет попятиться, но некуда.

– Я думал, такие ситуации с переодеваниями давно исчерпаны низкосортным кинематографом.

Татьяна:

– Утешьтесь тем, что сначала они были предметом театрального искусства, потом великого кино и уж напоследок застряли в сериалах. Извините. Это действительно уже чересчур. Короткие прозрачные сарафаны – не мой стиль. Но Иринка и так достаточно взбесила шефа. Если бы она еще и за рабочей одеждой домой попросилась, он уволил бы ее. Знаете, я сейчас уйду, но разрешите последнее слово молвить. Вы так свысока говорили о покупке этой квартиры без кредита, о нежелании жить в центре, потому что он вам надоел. А на самом деле квартиру вам купил папа, где смог, где счел нужным. Поэтому он так по-хозяйски распоряжается здешним пространством и вами. В стране произошел государственный переворот, это всегда передел власти и денег. Ваш дедушка не растерялся, ваш папа приумножил, золотые же мужики. Вы – счастливчик. Так почему комплексуете? Пользуйтесь и радуйтесь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.